

УДК 111.1

DOI: 10.28995/2073-6401-2023-1-48-58

Что значит «понимать»? Часть первая. Василий Васильевич Розанов о понимании

Анна И. Резниченко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, annarezn@yandex.ru*

Аннотация. Статья открывает цикл исследований, посвященных постановке и решению проблемы понимания в русской философской традиции. В настоящей статье рассматривается понимание концепта «понимание», предложенное В.В. Розановым. Цель статьи – показать, что понимает под пониманием сам Розанов, а не его многочисленные интерпретаторы. Отмечается зависимость розановской оптики от аристотелианского онтологизма и реализма, а также ее взаимосвязь с близкими Розанову философскими системами его эпохи: В.С. Соловьева и Н.Н. Стрехова. Понимание для Розанова – это процесс, основанный на принципиальной одноприродности мира и разума. Мир понятен, потому что он изначально истинен. И одновременно мир и понимание – это не статичные конструкции. Вопреки привычному словоупотреблению, понимание у Розанова не схватывает, не присваивает, не конституирует и даже не описывает мир.

Ключевые слова: Розанов, понимание, мир, реализм, онтологизм, Аристотель, живое знание

Для цитирования: Резниченко А.И. Что значит «понимать»? Часть первая. Василий Васильевич Розанов о понимании // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 1. С. 48–58. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-1-48-58

What does ‘understand’ mean? Part one. Vassily Vasilievich Rozanov on the understanding

Anna I. Reznichenko

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
annarezn@yandex.ru*

Abstract. The article opens a series of studies about the formulation and solution for the issue of understanding in the Russian philosophical tradition. The article considers the concept understanding proposed by V.V. Rozanov. Its

© Резниченко А.И., 2023

task is to show what Rozanov understands by understanding himself and not his numerous elucidators. The dependence of Rozanov's optics on Aristotelian ontologism and realism is noted, as well as its relationship with the philosophical systems of his era: V.S. Solovyov and N.N. Strakhov. Understanding for Rozanov is a process based on the fundamentally unified nature of the world and the mind. The world is understandable because it is initially true. And, at the same time, the world and the understanding are not static constructions. Contrary to the usual usage of words, Rozanov's understanding does not grasp, does not appropriate, does not constitute, and does not describe the world at all.

Keywords: Rozanov, understanding, world, realism, ontologism, Aristotle, living knowledge

For citation: Reznichenko, A.I. (2023), "What does 'understand' mean? Part one. Vassily Vasilievich Rozanov on the understanding", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 48–58, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-1-48-58

В русской философской культуре есть текст, посвященный проблеме понимания непосредственно, напрямую, – настолько напрямую, что проблема вынесена в заглавие. Речь идет о трактате «О понимании. Опыт исследования границ и внутреннего строения науки как цельного знания», трактате, казалось бы, трагически *не понятом* современниками. Из биографии в биографию Розанова кочует история о том, как в страницы философского трактата, написанного молодым интеллектуалом с университетским образованием и оказавшегося волею положения дел в русской провинции, заворачивали селедку. По иной версии, не менее уничтожительной – часть нераспроданного тиража была возвращена автору, часть пошла на обертку для бульварных романов на Сухаревке. Эта история давно стала красивым мифом розанововедения. Равно как и повторяющийся из статьи в статью троп об «25-тилетнем учителе провинциальных гимназий», написавшем «вдруг» (это «вдруг» длилось пять лет) гениальный и никем не понятый и хулимый текст¹. Правда, о границах непонимания этого текста и разного рода «скверных анекдотах», связанных с его оценкой, мы узнаем из уст самого Розанова. Н.Ю. Казакова описывает эту историю так:

...в процессе разрыва своих долгих и мучительных взаимоотношений с Сусловой Розанов пишет свою единственную философскую

¹ См., напр.: [Семенюк 2005, с. 67; Глебов 2021, с. 88].

книгу «О понимании». В 1886 г. он издал за собственный счет этот большой философский труд в 40 печатных листов. Его книга не встретила ожидаемого молодым автором резонанса, тираж даже не был раскуплен. Одну часть вернули Розанову, а другую распродали на Сухаревской площади на обертку для серии бульварных романов. Критические отзывы на книгу были сдержанными и немногословными. В. Соловьев при случае отметил, что до Гегеля книга, возможно, и была бы гениальной, но после выглядит несамостоятельной и неинтересной. Издание большого философского трактата было своеобразным поворотным пунктом в жизни провинциального учителя Розанова. Его желание стать философом изменилось [Казакова 2021, с. 19].

Соблазнительно было бы думать, что уж мы-то поняли Розанова. Уж мы-то, особенно после издательского и публикационного бума 1990-х, когда трактат был переиздан с предисловием В.В. Бибикина, под редакцией легенды розановедения В.Г. Сукача², во всем разобрались. По поводу трактата «О понимании» написаны и пишутся статьи и диссертации³. Розанов, вслед за интерпретацией, заданной Д.И. Чижевским и его «Гегелем в России», трактуется как гегельянец, вслед за знаменитым предисловием В.В. Бибикина к переизданию «О понимании» в статье со знаковым для эпохи названием – «Время читать Розанова» – как хайдеггерианец до Хайдеггера. Особенно соблазнительно сближение, при учете фактической одновременности формирования концепций, Розанова с Дильтеем, а розановское «понимание» – с «пониманием» герменевтическим⁴. И, наконец, вполне распространена трактовка Розанова как традиционалиста, чье «творчество в целом сближается с традицией апофатики – понимания смысла, несводимого к ситуационным ценностям и значениям» [Грякалов 2017, с. 6], способного противостоять «постмодернист-

² В дальнейшем я буду ссылаться именно на это издание: *Розанов В.В. Сочинения: О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания / ИМЛИ РАН. Ред. и коммент. В.Г. Сукача; Вступ. стр. В.В. Бибикина. М.: Танаис, 1995. XXV, 808 [2] с., 1 л. портр. (Лит. изгнанники).*

³ См.: [Семенюк 2002; Семенюк 2014; Варова 2017; Глебов 2021]. См. также: [Ragot 2012] – и эта статья по причинам, которые понятны будут ниже, стоит несколько особняком.

⁴ См., напр.: [Дефье 2015; Кожурин 2017; Глебов 2021]. Статья А.Я. Кожурина так и называется: «В.В. Розанов и герменевтическая традиция в России», однако, несмотря на громкий заголовок, собственно проблеме понимания в статье отведена ровно одна страница – 468.

скому терроризму», который «в любом месте взрывает существование» (Грякалов 2017, с. 6)⁵.

Весь этот спектр мнений и интерпретаций, прекрасно иллюстрирующий разнообразие образованностей и оптик интерпретаторов, на мой взгляд, уводит нас от главного: от того, что значит «понимание» для самого Розанова, ученика Буслая и Герье и переводчика аристотелевской «Метафизики» – текста, который много позже, в Германии, будут внимательно перечитывать и Гуссерль, и Хайдеггер. Польская исследовательница Розанова Х. Рарот справедливо замечает: «...когда Розанов писал свой трактат, он вдохновлялся переводом на русский язык “Метафизики” Аристотеля (издан в 1888 г. и остался незамеченным академическими философами) и сообщал в письме к знакомым, что его учителем был Аристотель, а не Гегель» [Rarot 2012, s. 330]: в Брянске, во время написания «О понимании», преодолевая собственные изъяны в знании греческого языка, Розанов пытается *понять* «Метафизiku» Аристотеля.

Апеллируя к авторитету известного российского интеллектуала, акад. А.Н. Паршина⁶, Х. Рарот говорит о содержании розановского трактата как о творческом продолжении аристотелевского эпистемологического и онтологического реализма⁷. Действительно, замечает А.Н. Паршин,

...Василий Васильевич очарован Аристотелем. Именно он вспоминается прежде всего, когда мы даже не читаем, а лишь листаем розановское сочинение. Семь схем разума немедленно вызывают к категориям Аристотеля. Огромное место занимает идея *потенции*, потенциальной формы бытия... <...>.

<...> Я думаю, что перед нами – уникальный эксперимент понимающей, а не формальной филологии, когда античное наследие изучается не только как текст, а исходя из содержащегося в нем смысла и пытаясь развить его дальше [Паршин 2007, с. 119].

Розанов не просто интерпретатор или переводчик Аристотеля. Он использует аристотелианскую онтологическую модель, учение об энтелехии, сущности, потенции, – но не как продолжатель или эпигон, а как человек, обнаруживший в древнем греке Другого,

⁵ Примечательно, что в монографии А.Ф. Грякалова сам термин «понимание» встречается 309 раз.

⁶ См.: [Паршин 2007].

⁷ См. [Rarot 2012, s. 227, 229–231]. А.Я. Кожурин [Кожурин 2017], впрочем, упоминает об Аристотеле, однако ничего не говорит о традиции реализма, базирующейся на Аристотеле и важной для Розанова.

понимающего мир примерно так же, как и он. Именно об этом «понимании другого понимания» Розанов пишет Н.Н. Страхову в знаменитом письме от 15 февраля 1888 г.:

Вот уже года 2 присматриваясь к разным сочинениям... я все больше и больше приходил к убеждению, пожалуй, к догадке, что корень дела, ключ к разрешению множества вопросов... лежит у Аристотеля. Чтобы дать Вам понятие о той совершенно особенной, мучительной жажде проникнуть в тайники его философских понятий, скажу Вам несколько слов, которые не сочтите нескромными – они необходимы: когда я писал свою книгу, я не имел за собою никакого другого авторитета, кроме чисто субъективного убеждения... <...> ...Вам будет понятно все, если я в коротких словах скажу, что дух человеческ<ий> определен (определение выведено) у меня как *форма форм* и на этом именно основано доказательство его бессмертия, невозможности для него разрушиться; разум определен как *потенция* понимания...⁸

Розановым движет радость узнавания и встречи; в Аристотеле он видит странным образом даже не предшественника, но продолжателя своих собственных идей: «...даже начинается Мет<а>физика с того же, с чего я начал – с различия между знанием и пониманием и с указания, что сущность науки состоит в последнем; но у меня почти все подробнее изложено, и потому мне писать все очень легко»⁹. Обратим внимание на то, что понимание Аристотеля для Розанова заключено в жажде, в первичной интенции «проникнуть в тайники понятий», – и, действительно, базовые понятия Аристотеля становятся ключом к разгадке понимания мира и себя. Розанов пишет:

...понятия *δύναμις* и *ἐνέργεια*, в своих латинских терминах *potentia* и *actus* (я только *actus* не очень понимаю; в своем сочинении я всегда говорил о потенц<и>альном и действительности; верно, он соответствует у меня «образующемуся существованию», но мы до этого в Мет<а>физике не дошли) служат ключом к пониманию самых сложных и глубоких систем философии. В них, как в таинственных символах, выражена целая система мысли и стало понятно то-то и то-то (главное – изменение); сюда же относится и странное, неперебиваемое выражение *τὸ τί ἦν εἶναι*, которым он обозначает сущность каждой вещи¹⁰.

⁸ Цит. по: *Сукач В.Г.* Комментарии. Именной указатель // Аристотель. *Метафизика* / Пер. с греч. П.Д. Перлова и В.В. Розанова. М.: Ин-т теологии, философии и истории св. Фомы, 2006. С. 216.

⁹ Там же. С. 218.

¹⁰ Там же. С. 217.

Чтобы понять Аристотеля, Розанов ищет в последнем подтверждении своим собственным интуициям; корреляты своих пониманий мира. При этом неизбежно совпадение, при всем очевидном различии, разнесении в пространстве, времени и культурном контексте, оптик понимающего и понимаемого; своего рода дифракция, которая влечет за собой сходность выражений и форм. Отсюда такое увлечение Розанова категориями, схемами и «причинами», которое выглядело для его современников, воспитанных в лучшем случае на Гегеле, чудовищным анахронизмом. Когда Розанов лучше разобрался в психологии своего читателя, своего «познающего», ему стало гораздо проще с пониманием собственных идей – и потому перевод розановского аристотелизма на язык публицистики и литературной критики конца XIX – начала XX в. снискал автору такую славу.

Мы уже установили выше, что «понять» для Розанова – это прежде всего «проникнуть в тайники понятий». Это – начало любого понимания. Поэтому столь важно посмотреть на то, как он понимает *само понимание*; какое *определение* он ему дает и, далее, в каких контекстах это понятие встречается, в какой среде оно обитает. Первую попытку дефиниции термина мы встречаем практически сразу же, в Предисловии:

И в самом деле, как ни противоположны они (наука и философия. – А. Р.), ими исчерпывается совокупность всего до настоящего времени созданного разумом человека. И, следовательно, каково бы ни было достоинство построенного, ключ к его разумению может лежать только в плане, хотя бы и двойном, того, что строило.

Это положение науки могло бы стать безвыходным, если бы вне науки и вне философии не лежало третьего, что может быть поставлено наряду с ними, чего не может коснуться сомнение, и что способно послужить раскрытию природы, границ и строения обозреваемого. Это – *Понимание*.

И в самом деле, в стороне от спора, разделяющего науку и философию, и вне каждой из спорящих сторон лежит истина, что, какова бы ни была деятельность разума, она всегда будет по существу своему пониманием, и кроме этого же понимания ничего другого не может иметь своей целью¹¹.

Казалось бы, это определение противоречиво. С одной стороны, наука и философия противоположны, а понимание является чем-то третьим, что лежит за границами и философии, и науки.

¹¹ *Розанов В.В. О понимании... С. 7* (Курсив и разрядка Розанова).

С другой стороны, любая деятельность разума, в том числе наука и философия, и есть понимание. Но это мнимое противоречие, если вспомнить специфический розановский аристотелизм. Так же, как и для Аристотеля, для Розанова сущность вещи, ее $\tau\acute{o} \tau\acute{i} \eta\nu \epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota$, не отделена от вещи, но заключена в ней самой. Розанов отталкивается от изначального, заданного им самим различения между наукой (ориентированной на познание эмпирии, «внешней» стороны вещей) и философией как умозрением (ориентированной на познание «эмпиреи») – это различие будут потом использовать и платоники Флоренский и Эрн. Понимание есть третий путь, объединяющий «эмпирию» и «эмпирию», – совершенно в духе соловьевских триад. Однако Розанов – аристотелик, и у него нет платонического «раздвоения» мира. Различие между наукой и философией заключается лишь в оптике, в различии точек зрения на предмет. Это различие снимается интегрирующей позицией понимания.

Контексты важнейшего розановского термина позволяют проанализировать предметный указатель к критическому переизданию трактата¹². Круг употреблений этого термина в рамках трактата весьма обширен – простое перечисление занимает почти две страницы в два столбца мелким шрифтом, поэтому остановимся на самых частых. Итак, понимание есть деятельность произвольная; есть деятельность разума; есть жизнь разума и сущность его; есть конечное (последнее, цель и результат) в деятельности разума; есть первое и конечное назначение человека; есть явление свободно-необходимое (процесс свободно-необходимый); восходит к первоначальной стороне в человеческой природе; в понимании раскрывается часть первозданной природы человека; понимание в целом есть исторический процесс. Понимание слагается из схем идей, представленных в разуме, определяется как всепонимание; как особенный мир; наконец, как элемент/целое, единое/цельное, восходящее/нисходящее, умозрительное/опытное. Самая частая коннотация к категории понимания – это разум. Вторая по частоте – мир.

Понимаю значит «разумею». Так же, как и для Аристотеля, для Розанова предмет понимания вовсе не смысл и не текст, а мир – мир как космос, бытие и вселенная принципиально *разумен*, гармонически устроен и доступен для понимания. Понимание – это процесс, основанный на принципиальной одноприродности мира и разума. Мир понятен, потому что он изначально истинен. Ложь же есть нарушенная правда и порождается страхом¹³.

¹² Матешук А.В. Предметный указатель // Розанов В.В. О понимании... С. 740–742.

¹³ Там же. С. 719.

Категория мира также имеет целый спектр коннотаций. Мир трактуется как «целое» (вспомним Н.Н. Страхова), как «бытие», как «все» (вспомним В.С. Соловьева). Идея «науки», как это видит Розанов (наука «не в смысле того, что существует под этим именем, но в значении того, что существовало ранее разделения знания на науку и философию, и что должно было бы существовать теперь, если б не было этого разделения¹⁴»), или свободной науки, оказывается близка идее свободной теософии молодого Соловьева. Наука *понимает* мир, но сам процесс понимания есть по сути дела динамическое наложение двух равноправных, равнореальных и равноистинных миров: мира-вне-нас, вещественного, «внешнего», «реального» – и мира субъективного, мира-внутри-нас, «мыслимого», «идеального» или «духа».

Исходя из вышесказанного, соблазнительно было бы интерпретировать розановское понимание как еще одну версию «живого» или «цельного» знания; концепции, весьма распространенной в русской философии и восходящей к ранним славянофилам. Так, в специальной статье, посвященной этой проблеме (правда, собственно Розанову здесь посвящена только половина колонки), А.П. Семенюк пишет, что «истоки розановских сентенций необходимо искать в философии первых славянофилов и их предшественников любомудров», и притом что «Розанов открыл наиболее удачную и адекватную... форму выражения единства бытия и понимания – тавтологию» [Семенюк 2008, с. 55, 57], однако неясно, в чем собственно заключается здесь открытие Розанова – тавтологии, строго говоря, существовали задолго до него. Исследователь подметил другое: Розанов действительно показывает «элементарное тождество самой жизни и знания о ней» [Семенюк 2008, с. 57]. Понимание для Розанова равно миру.

И одновременно оно ему не равно. И мир, и понимание – это не статичные конструкции, и здесь, конечно, мы видим влияние аристотелевского *δύναμις* как способности и возможности и *ἐνέργεια* как «образующегося существования». «Мир (через *ι*) текуч и, следовательно, рвет все схемы, не укладываясь ни в одну из них. И еще: *Tempora mutantur et nos mutamur in illis!* – в этом все дело! Мы САМИ беспрерывно выходим из схем своего сознания, и наше “я” само течет непреградимо¹⁵, – писал один из немногих подлин-

¹⁴ Розанов В.В. О понимании. С. 8.

¹⁵ Письмо С.Н. Дурылина к П.П. Перцову от 26-27.08.1939 // Музейное объединение «Музеи наукограда Королёв», отд. «Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурылина». Коллекция «Мемориальный архив». Фонд П.П. Перцова. МОК ДМД КП 322/4. Л. 15.

ных учеников Розанова, Сергей Дурылин, обращаясь к Петру Петровичу Перцову, еще одному русскому аристотелику и одному из тех, кто с самого начала *понял* трактат «О понимании». Мир понятен, потому что он изначально истинен. И одновременно он изначально изменчив, текуч, – как и понимание. «Схватить» его – это как «схватить» течение реки. Мир – это то, что нельзя присвоить. Вопреки привычному словоупотреблению и устоявшимся философским интерпретациям, понимание у Розанова не схватывает, не присваивает, не конституирует и даже не описывает мир.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00802, «Мир, язык, реальность: европейская и русская философия в концептуальном и терминологическом измерении».

Acknowledgements

The study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00802 “World, language, reality. European and Russian philosophy in the conceptual and terminological dimension”.

Источники

- Матешук А.В.* Предметный указатель // Розанов В.В. Сочинения: О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания / ИМЛИ РАН; Ред. и коммент. В.Г. Сукача; Вступ. стр. В.В. Библихина. М.: Танаис, 1995. С. 677–802.
- Письмо С.Н. Дурылина к П.П. Перцову от 26-27.08.1939 // Музейное объединение «Музеи наукограда Королёв», отд. «Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурылина». Коллекция «Мемориальный архив». Фонд П.П. Перцова. МОК ДМД КП 322/4. Л. 13–18.
- Розанов В.В.* Сочинения: О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания / ИМЛИ РАН; Ред. и коммент. В.Г. Сукача; Вступ. стр. В.В. Библихина. М.: Танаис, 1995. XXV, 808 [2] с., 1 л. портр. (Лит. изгнанники)
- Сукач В.Г.* Комментарии. Именной указатель // Аристотель. Метафизика / Пер. с греч. П.Д. Перцова и В.В. Розанова. М.: Ин-т теологии, философии и истории св. Фомы, 2006. С. 214–227.

Литература

- Варова 2017 – *Варова Н.Л.* Понимание в философии В.В. Розанова: от схем разума к образу феномена // Гуманитарные исследования. 2017. № 4 (17). С. 8–12.
- Глебов 2021 – *Глебов О.А.* Концепт понимания и его идеалистическая трактовка в теоретической философии В.В. Розанова // История философии. 2021. Т. 26. № 1. С. 87–98. DOI: 10.21146/2074-5869-2021-26-1-87-98.
- Грякалов 2017 – *Грякалов А.А.* Василий Розанов. СПб.: Наука, 2017. 287 с.
- Дефье 2015 – *Дефье О.В.* Художник и история в русской литературно-эстетической традиции и оценках В. Розанова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 1. С. 99–103.
- Казакова 2021 – *Казакова Н.Ю.* «Розанов не был двуличен, он был двулик...». Василий Розанов – публицист и полемист. М.: РГГУ, 2021. 238 с.
- Кожурин 2017 – *Кожурин А.Я.* В.В. Розанов и герменевтическая традиция в России // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 4. С. 465–476.
- Паршин 2007 – *Паршин А.Н.* Розанов и наука // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 118–122.
- Семенюк 2002 – *Семенюк А.П.* Проблема понимания в творчестве В.В. Розанова: Дис. ... канд. ист. наук, Томск, 2002. 140 с.
- Семенюк 2005 – *Семенюк А.П.* Проблема понимания в философии В.В. Розанова // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 287. С. 66–71.
- Семенюк 2008 – *Семенюк А.П.* Соотношение понятий «живое знание» и «понимание» в гносеологических учениях русских философов XIX – начала XX века // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 315. С. 55–58.
- Семенюк 2014 – *Семенюк А.П.* Гносеологическая проблематика в трактате «о понимании» В.В. Розанова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 2014. № 4. С. 118–121.
- Rarot 2012 – *Rarot H.* Zagadnienie ontologizmu w filozoficznym traktacie *O ponimaniu* Wasyła Rozanowa // The Central European Journal of Social Sciences and Humanities. Estetyka i Krytyka. 2012. № 4 (26). S. 325–336.

References

- Def'ye, O.V. (2015), “An Artist and History in the Russian Literary-Aesthetic Tradition and in Vasily Rozanov’s appraisal”, *Vestnik of Nekrasov Kostroma State University*, vol. 21, no. 1, pp. 99–103.
- Glebov, O.A. (2021), “The Concept of Understanding and its Idealistic Interpretation in the Theoretical Philosophy of V.V. Rozanov”, *History of Philosophy*, vol. 26, no. 1, pp. 87–98, DOI: 10.21146/2074-5869-2021-26-1-87-98.
- Gryakalov, A.A. (2017), *Vassily Rozanov*, Nauka, Saint Petersburg, Russia, 287 p.

- Kazakova, N.Yu. (2021), *Rozanov ne byl dvoilichen, on byl dvoilik... Vasilii Rozanov – publicist i polemist* [“Rozanov was not the double dealer, he was double-faced...”. Vasily Rozanov – publicist and polemicist], *RGGU*, Moscow, Russia.
- Kozhurin, A.Ya. (2017), “V.V. Rozanov and the hermeneutics tradition in Russia”, *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 33, iss. 4, pp. 465–476.
- Parshin, A.N. (2007), “Rozanov and science”, *Voprosy Filosofii*, no. 2, pp. 118–122.
- Rarot, H. (2012), “The Problem of Ontologism in Vasyl Rozanov’s Philosophical Treatise ‘O Ponimanii’”, *The Central European Journal of Social Sciences and Humanities: Aesthetics and Critics*, no. 4 (26), pp. 325–336.
- Semenyuk, A.P. (2002), *The problem of understanding in the work of V.V. Rozanov*, PhD Thesis. Tomsk, Russia.
- Semenyuk, A.P. (2005), “The issue of understanding in the philosophy of V.V. Rozanov”, *Tomsk State University Journal*, no. 287, pp. 66–71.
- Semenyuk, A.P. (2008), “Correlation of the concepts of ‘living knowledge’ and ‘understanding’ in the epistemological teachings of Russian philosophers of the 19th – early 20th century”, *Tomsk State University Journal*, no. 315, pp. 55–58.
- Semenyuk, A.P. (2014), “Gnoseological Problematics in the treatise ‘on understanding’ by V.V. Rozanov”, *Vestnik of Nekrasov Kostroma State University*, no. 4, pp. 118–121.
- Varova, N.L. (1917), “Understanding in philosophy of V.V. Rozanov: from the scheme of mind to the image of phenomenon”, *Humanitarian Researches*, no. 4 (17), pp. 8–12.

Информация об авторе

Анна И. Резниченко, доктор философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

ведущий научный сотрудник, Музейное объединение «Музеи наукограда Королёв», отдел «Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурьлина», Московская обл., Россия; 141060, Россия, Московская обл., г. о. Королёв, мкрн. Болшево, ул. Свободная, д. 12; annarezn@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-0045-8949.

Information about the author

Anna I. Reznichenko, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University of the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

leading researcher, MBUK MOK, dep. “Memorial House-Museum of S.N. Durylin”, Moscow region, Russia; bld. 12, Svobodnaya Street, microdist. Bolshevo, g. Korolev, Moscow region, Russia, 141060, annarezn@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-0045-8949.